

ЭКОНОМИКА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЭГАЛИТАРНАЯ ТЕОРИЯ А. СЕНА И М. НАССБАУМ

Г. Ю. КАНАРИШ

В своей известной статье «Аристотелианская социал-демократия» (1990)¹ американский философ, этик и политический мыслитель Марта Нассбаум (Martha Nussbaum) обрисовала контуры философского проекта справедливого общественного устройства, основную идею которого (как считает сама профессор Нассбаум) она заимствовала у Аристотеля и Маркса. Похожие идеи, но с меньшей опорой на Стагирита, присутствуют также в работах коллеги М. Нассбаум, Нобелевского лауреата по экономике 1998 г. Амартии Сена (Amartya Sen). Оба они развивают подход, получивший название «возможностного подхода» (capabilities approach), или иначе, подхода, «основанного на развитии»². Несмотря на то, что в работах М. Нассбаум более позднего периода (1990 – 2000-е гг.) заметно усиление симпатий к либерализму, ее проект «аристотелианской социал-демократии», как и идеи Сена о *гуманистической модели экономики*, представляют несомненный интерес для российского читателя.

Концепция «функциональных возможностей» у Сена и Нассбаум

Если попытаться как-то первоначально типологизировать представленные концепции, то этико-политическую философию Сена и Нассбаум можно отнести к современному варианту либерального перфекционизма. Данная теория (прежде всего в варианте Сена) разрабатывалась в 1970-е – 1990-е годы «на стыке» экономики (экономической теории) и философии (этики) и изначально рассматривалась ее авторами в качестве альтернативы двум господствующим в экономической теории подходам – утилитаризму рационального выбора и концепции обеспеченности ресурсами. В отличие от этих двух подходов, фиксирующихся соответственно на сравнении рациональных предпочтений индивидов и их обеспеченности материальными ресурсами (т. е. на неких количественных параметрах благосостояния), концепция, «основанная на возможностях», обращается в первую очередь к изучению и оценке *реальных условий жизни людей*³.

На первый взгляд такой подход может показаться реалистическим (материалистическим), сродни Марксову. Однако это лишь внешнее впечатление: действительно опираясь на Марксову концепцию деятельности, такая функционалистская теория понимает эту деятельность (и человека как деятеля) концептуально – *идеалистически*. «Что нас интересует, – читаем у Сена, – так это деятельность ин-

дивида как члена общества и участника экономических, социальных и политических акций (начиная с его присутствия на рынке до вовлеченности, прямой или опосредованной, в индивидуальную либо совместную деятельность в политической и прочих сферах)⁴. Однако что является центральным понятием «основанного на возможностях подхода»? Им является идея *нормального, или полноценного, человеческого функционирования*, — идея, согласно которой жизнь человека может быть представлена в виде набора определенных функций — действий или состояний (по Сену). Этими функциями, или элементами человеческого бытия⁵, выступают такие высоко ценимые людьми блага, как здоровье (способность вести здоровую жизнь), образование (способность получить его), материальная обеспеченность, возможность участия в общественной и политической жизни, способность к социальному выбору и реализации своего «плана жизни», чувство самоуважения и т. д.

М. Нассбаум, более детально разработавшая этот вопрос, приводит в своих работах общий список важнейших «функциональных возможностей» человека, состоящий из десяти основных позиций: 1) способность прожить нормальную жизнь; 2) телесное здоровье; 3) телесная целостность; 4) чувства, воображение и мышление; 5) эмоции; 6) практический разум; 7) связь с другими людьми; 8) отношения с иными живыми существами; 9) способность к игре; 10) контроль над собственной экономической и политической средой⁶.

Если иметь в виду общее число функций, то оно в принципе необозримо (так как ими, по Сену, охватывается вся человеческая жизнь), но в представлении этого подхода можно выделить главные из них и определенным образом классифицировать. Так, Сен выделяет следующие категории: 1) материальные и иные функции; 2) функции, понимаемые как средство и как цель; 3) более и менее важные функции⁷. Некоторая совокупность функций, характеризующая *индивидуальную человеческую жизнь*, именуется в теории «функциональным вектором»⁸.

Каков практический смысл этих «реалистоподобных» (термин профессора-характеролога М.Е. Бурно), но достаточно сложных интеллектуальных построений? Смысл этот заключается в том, чтобы на основе выделения различных значимых функций (в терминологии Сена — «базовых свобод»), складывающихся в индивидуальные стили жизни («вектора»), а также через сравнение этих функциональных векторов у разных людей получить возможность дать оценку тому, как живет тот или иной человек (поселение, регион, страна), каково *качество* (или уровень) его жизни. «Предполагается, что завершение отбора важных и обладающих самостоятельной

ценностью элементов жизни означает, что достигнуто достаточно полное описание характера жизни человека в виде вектора центральных элементов его бытия. Сравнение уровня жизни разных людей может мыслиться как ранжирование таких векторов. Когда оно полное (т. е. все люди рассматриваемой совокупности могут быть расположены в порядке возрастания их уровня жизни), оценивание каждого вектора сводится к приписыванию ему скалярной величины, показывающей, *насколько хорош* соответствующий набор элементов бытия⁹ (курсив мой. — Г. К.).

Иными словами, чем больше значимых функций представлено в конкретной человеческой жизни, тем выше оценивается ее качество. (И, наоборот, чем меньше у человека набор таких качеств, тем хуже, согласно концепции, его индивидуальная жизнь.) Соответственно социальная справедливость, с точки зрения данной теории, заключается в *развитии (точнее, предоставлении возможностей для такого развития) базовых функциональных возможностей человека институтами государства и общества*¹⁰.

Надо заметить: обладая таким мощным перфекционистским потенциалом (от государства требуется деятельное участие в культурном развитии своих граждан), данная теория имеет также весьма сильный *либеральный посыл*, согласно которому только сам человек решает, что он считает ценным для себя и чему из предоставляемого ему государством он в конечном счете отдаст предпочтение (например, будет ли он получать высшее образование или нет). Именно в этом аспекте теория говорит также о *«потенциальных возможностях»*, т. е. таких, которые, будучи обеспечиваемы государством, одновременно заключают в себе возможность *выбора* (в отличие от уже реализуемых индивидом «функций»)¹¹. (В конечном счете, по Сену, сам выбор *уже есть* одна из наиболее важных функций¹².) Действительной целью общественного развития тогда становится *постоянное расширение человеческих возможностей* («базовых свобод»), которые каждый использует по своему разумению (или не использует) для улучшения качества своей жизни. Как пишет по этому поводу Амартия Сен, «развитие мы понимаем... как процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества... Развитие требует устранения главных источников несвободы: нищеты и тирании, скудости экономических возможностей и постоянных социальных лишений, убожества структур, обслуживающих население, а также нетерпимости либо чрезмерной активности репрессивных учреждений»¹³.

Повторим еще раз: данная теория является достаточно реалистичной, или, точнее, *«реалистоподобной»* (т. е. идеалистической, но *похожей* на реалистическую, материалистическую, какой

является, например, теория К. Маркса, к которой явно и неявно апеллируют Сен и Нассбаум). «Реалистоподобность» эта сказывается в том, что акцент делается на изучении *реальных условий жизни людей* (а не на наборе «первичных благ», получаемых в результате гипотетического соглашения – Роулз), с нередко присущими ей *глубокими различиями* в уровне и качестве жизни, которые (различия) попросту не «схватываются» абстрактными (нереалистоподобными) экономическими и социально-этическими концепциями¹⁴.

В то же время понимание жизни человека как набора разных по значимости функций, которые определенным образом соотносятся друг с другом (классифицируются, ранжируются и т. п.), – это, конечно, не реалистический, а умозрительный (теоретический) взгляд. «Реалисту» (человеку с реалистической (материалистической) природой души¹⁵) в этом случае было бы проще, понятней говорить не о функциональных возможностях, или элементах бытия (которые, скорее, есть *символ, знак*, обозначающий некие духовные аспекты реальности), но об *обычных потребностях*, присущих *некоторому большинству* людей (а не всем, как в теории), удовлетворение которых делает жизнь более насыщенной и полноценной.

Кроме того, концепции функциональных возможностей (при всей ее мягкой «реалистоподобности»), как и другим парадигмам справедливости, присущ определенный *этический абсолютизм*, в частности, в том, что касается практических выводов. Ярким примером такого абсолютизма (родственного абсолютизму Дж. Роулза, Р. Нозика, Р. Дворкина, А. Макинтайра и других авторов¹⁶), с необходимостью строгого подчинения реальной жизни *требованиям теории*, является концепция «аристотелианской социал-демократии» Марты Нассбаум, разработанная философом в качестве практической модели реализации идеи «функциональных возможностей»¹⁷.

«Аристотелианская социал-демократия» Марты Нассбаум

Яснее специфика эгалитарной теории, предложенной Нассбаум, выявляет себя в сравнении с другой – *деонтолого-либеральной* версией эгалитаризма (Роулз). Можно увидеть, при немалой схожести позиций (как и деонтологические либералы, Нассбаум и Сен высоко ценят идеал моральной автономии), различия между ними носят фундаментальный характер. Если либеральный эгалитаризм направлен на исправление негативных *последствий* функционирования политических институтов (бедность, лишения, неравенство и пр.), то аристотелианский эгалитаризм – на устранение самих *причин*, обусловивших такие неравенства. Этому соответствует и различие *средств* осуществления социальной политики. Либералы делают акцент на перераспределении ресурсов («ресорсизм»),

аристотелианцы — на создании системы институтов, которая не допускала бы самой *возможности* бедности и неравенства («институционализм»).

По словам М. Нассбаум, «аристотелианская концепция (как и сам Аристотель) продвигает всеобъемлющую схему здравоохранения и завершенного проекта общественного образования для всех, действующую на протяжении всей жизни, а не просто предоставляет помощь тем, кто не может позволить себе частное здравоохранение и частное образование. Этот путь отстаивается *как более соответствующий равенству и более справедливый*» (курсив мой. — Г. К.)¹⁸.

Это различие между либеральным и аристотелианским эгалитаризмом обретает свои более глубокие основания на уровне социальной онтологии, а точнее — в формулировке основ *философской концепции личности*. Как показывает Нассбаум, сторонники кантианского либерализма исходят из *абстрактных представлений* о личности, полагая, что человек является самостоятельным моральным агентом, независимым от других людей, которому для реализации его амбиций требуется лишь определенное *количество* социальных ресурсов. Из этого вытекает, что максимизация преимуществ (Роулз) является *достаточным условием* для осуществления человеческой природы. Напротив, аристотелианцы рассматривают личность *конкретно*, как изначально погруженную в некоторый *социальный контекст* и связанную множеством сложных *взаимодействий* (интеракций) с другими действующими субъектами. Поэтому здесь вопрос состоит не столько в количестве ресурсов, сколько в создании *надлежащих социальных условий* для функционирования человека.

Соответственно эти различия формируют определенные *политические позиции*. В политическом отношении сложная аргументация либеральных теоретиков в пользу ресорсистской теории равенства (не требующей изменений институционального устройства) роднит эту позицию с *пресловутым конформизмом* великого предшественника либералов — Иммануила Канта¹⁹. Напротив, в политической программе, предлагаемой аристотелианцами, явно прослеживаются тенденции, генетически связанные с не менее известным, чем конформизм Канта, *политическим радикализмом* другого немецкого философа — Карла Маркса. Не скрывая этого, М. Нассбаум пишет: «...работа правительства, с точки зрения аристотелианства, не заканчивается до тех пор, пока мы не устраним *все препятствия*, которые стоят между данным гражданином и полноценным человеческим функционированием. Эта работа тогда будет включать в себя гораздо больше, чем перераспределение ресурсов. Она будет включать *радикальные институциональные и социальные изменения*» (курсив мой. — Г. К.)²⁰.

О всеобъемлющем характере таких изменений свидетельствует следующее утверждение: «Идея состоит в том, что вся структура политического устройства будет сконструирована исходя из рассмотрения этих функций (базовых человеческих функций. — Г. К.). Не только программы распределения, но также разделение земли, определенное устройство форм собственности, структура трудовых отношений, институциональная поддержка семьи и социальных связей, экологическая политика и политика в отношении животных, институты политического участия, творческие институты — все это, так же как более конкретные программы и политика в рамках этих сфер, будет избрано исходя из рассмотрения надлежащего человеческого функционирования»²¹.

Более конкретно в своей известной статье «Аристотелианская социал-демократия» М. Нассбаум рассматривает четыре аспекта *практической реализации* социальной справедливости: труд, собственность, политическое участие и образование.

Труд. Опираясь на Аристотеля и Маркса, исследовательница утверждает, что некоторые формы труда объективно несовместимы с представлениями о благой жизни. Поэтому реализация справедливости предполагает *тщательное исследование структуры трудовой деятельности* и выяснение способов отношения трудящихся к результатам своего труда, с тем чтобы создать достойные человека условия в данной сфере.

Собственность. Аристотелианский подход отличает *сугубо инструментальное* отношение к собственности. С этой точки зрения собственность не имеет самостоятельной ценности, ее ценность определяется исключительно тем, каким социальным целям она служит. Поэтому наиболее оптимальной считается не частная и не общественная, а *смешанная* форма владения собственностью, устраняющая крайности и той, и другой.

Политическое участие. Важнейшим аспектом общественной жизни аристотелианские социал-демократы считают участие в политике. Его важность обусловлена по крайней мере тремя причинами: во-первых, через политику каждый гражданин получает возможность напрямую участвовать в формировании общей концепции благой жизни; во-вторых, политика имеет собственную инструментальную ценность как одна из важнейших сфер человеческой деятельности; и в-третьих, политическое участие гарантирует обществу свободу от деспотического правления.

Образование. В некотором смысле сфера образования в рамках аристотелианского подхода пользуется приоритетом перед всеми другими сферами человеческой деятельности. Как отмечает М. Нассбаум, «ни одна часть политического проекта не занимает

аристотелианца так, как образование. Образование требуется для каждой из главных функций; и оно требуется также для культивирования способности осуществлять выбор, как настаивает аристотелианец»²².

Таким образом, в противоположность современному либерализму кантианского типа, отстраняющемуся от решения конкретных институциональных проблем, аристотелианская социал-демократия в описании М. Нассбаум *непосредственно направлена на преобразование социально-политического порядка в сторону реального улучшения условий человеческой жизни*. В этом контексте центральной категорией политического анализа становится не формально-рациональный принцип максимизации предпочтений, как в либеральных (вэлферистских) теориях, а восходящая к классическому (античному) представлению о благе категория *качества жизни*. Конкретным примером успешного воплощения данной стратегии социального развития является многолетняя практика функционирования *скандинавской социал-демократии* в таких странах, как Швеция, Финляндия, Норвегия²³.

С другой стороны, обращает на себя внимание то, что радикалистская политическая риторика и пафос социальной эмансипации у современных аристотелианцев вполне сочетаются с признанием традиционных либеральных институтов *частной собственности и представительной демократии*. Они настаивают лишь на необходимости коррекции неустранимых недостатков частной собственности (например, путем создания смешанной экономики, основанной на планировании, а также расширении политического участия и борьбе с бюрократией), но *как таковые* эти политические институты не подвергаются сомнению²⁴.

Заключение

Итак, концепция аристотелианской социал-демократии Марты Нассбаум есть пример своего рода этического абсолютизма (который выражается в *господстве абстрактной теории над реальностью*), роднящий ее с другими парадигмами справедливости — как либеральными, так и перфекционистскими. Имея очевидное родство с философско-политической концепцией Маркса (даже в большей степени, чем Аристотеля²⁵), в частности, наследуя радикализм этой концепции (по крайней мере, на уровне дискурса), аристотелианская социал-демократия Нассбаум является, по существу, *идеалистической теорией*, цель которой (как мы видели) — привести реальность в соответствие с положениями концепции «функциональных возможностей человека». В этом — ее глубокое отличие от реализма, точнее, материализма Маркса, который, как помним, состоял в тре-

бовании изменения характера производственных отношений ради перехода от отчужденных форм труда к неотчужденным²⁶.

Если говорить в целом, то функционалистскую теорию Сена и Нассбаум, с ее «реалистоподобностью», этическим абсолютизмом, прагматизмом, можно характеризовать как своего рода *идеалистический эгалитаризм* (в противоположность *материалистическому эгалитаризму и гуманизму* Маркса и марксизма²⁷). К западным, в частности российским, национально-психологическим особенностям эту, западную по существу, концепцию приближает то обстоятельство, что моральный идеализм здесь (как и у Роулза) проникнут особенным чувством сострадания к обездоленным, испытывающим нужду, лишения и т. д. Свобода, согласно функционалистской теории, — это не гарантии прав богатых, а скорее расширение возможностей бедных (в том числе и бедных стран). (Не случайно поэтому такой подход приобрел немалую популярность и оказался востребованным важнейшими международными организациями, в частности, при составлении ежегодных отчетов Программы развития ООН²⁸.)

В то же время, как и к любой концептуальной схеме, «выросшей» на почве иных характерологических особенностей, в России следует отнестись к ней с осторожностью. Главная причина тому — неготовность русских (в массе) жить по схеме, концепции (даже самой удобной), постоянно выдерживая ее строгие правила. Русский (россиянин) по природе своей души, в которой дефензивно-реалистическое начало уживается с грубовато-авторитарным²⁹, склонен как раз к систематическому нарушению этих правил, если его чувство, душа ему так подсказывают (известная склонность русских к анархии). Поэтому любая схема, концепция социальной жизни, которую мы готовы воспринять с Запада, требует определенной *адаптации*, приспособления к специфическим российским условиям («русскому характеру»). И теория Сена и Нассбаум здесь не исключение³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Nussbaum M. Aristotelian Social Democracy // Liberalism and the Good / R. B. Douglass et al. (eds.). — N. Y., 1990.

² См. сайт, основанный Сенем и Нассбаум, «Ассоциации развития человека и человеческих возможностей» (URL: <http://www.capabilityapproach.com/index.php>).

³ См.: Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. и с послесл. Р. М. Нуриева. — М.: Новое издательство, 2004. — С. 91.

⁴ Там же. — С. 36 (ср. с Марксовой концепцией праксиса: Баллаев А. Б. Читая Маркса: Историко-философские очерки. — М.: Практикс, 2004. — С. 19–20).

⁵ Термин предложен отечественным исследователем А. А. Подузовым (см.: Подузов А. А. Философия уровня жизни. Очерк современных представлений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А. Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2008. — С. 79).

⁶ См.: *Nussbaum M.C. Aristotelian Social Democracy: defending Universal Values in a Pluralistic World. Vortrag im Rahmen des Kulturforums der Sozialdemokratie.* – Berlin, 01.02.2002 (Эл. текст). В наиболее полном виде концепцию М. Нассбаум см.: *Nussbaum M.C. Women and Human Development.* – Cambridge, 2001. См. также ее более раннюю работу: *Nussbaum M.C. Human Functioning and Social Justice: In Defense of Aristotelian Essentialism // Political Theory.* 1992. Vol. 20. – P. 202 – 246.

⁷ См.: *Подузов А.А. Философия уровня жизни.* – С. 80 – 82.

⁸ См.: *Сен А. Развитие как свобода.* – С. 94.

⁹ *Подузов А.А. Философия уровня жизни.* – С. 82 (о конкретных методах межличностного сравнения см.: *Сен.А. Развитие как свобода.* – С. 95 – 104.).

¹⁰ *Nussbaum M.C. Human Functioning and Social Justice.* – P. 229.

¹¹ См.: *Сен А. Развитие как свобода.* – С. 93 – 94. М. Нассбаум в своих работах также подчеркивает этот момент важности индивидуального выбора (см.: *Nussbaum M.C. Human Functioning and Social Justice.* – P. 225).

¹² Там же. – С. 95.

¹³ Там же. – С. 21.

¹⁴ См. критику трех главных направлений современной теории распределительной справедливости (утилитаризма, теории Роулза и либертариизма Позика): *Сен А. Развитие как свобода.* – С. 72 – 85.

¹⁵ См. об этом: *Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевтическая книга).* Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. – С. 10.

¹⁶ См., например: *Канари Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация.* – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011.

¹⁷ См.: *Nussbaum M. Aristotelian Social Democracy // Liberalism and the Good / R.V. Douglass et al. (eds.).* – N. Y., 1990.

¹⁸ *Nussbaum M. Aristotelian Social Democracy.* – P. 228, 242.

¹⁹ Критику Канта см. в работе: *Канустин Б.Г. Моральный выбор в политике.* – М.: КДУ; Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 63 – 120.

²⁰ *Nussbaum M. Aristotelian Social Democracy.* – P. 215.

²¹ Ibid. – P. 230.

²² Ibid. – P. 233.

²³ Ibid. – P. 240 – 242.

²⁴ Ibid. – P. 233.

²⁵ См.: *Прокофьев А.В. Человеческая природа и социальная справедливость в современном этическом аристотелианстве // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнов. Вып. 2.* – М.: ИФРАН, 2001. – С. 58 – 60.

²⁶ См.: *Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.* – М.: Политиздат, 1968. – С. 41 – 174.

²⁷ См.: *Баллаев А.Б. Читая Маркса: Историко-философские очерки.* – М.: Праксис, 2004. – С. 21 – 24.

²⁸ См.: Отчеты о развитии человечества. URL: <http://hdr.undp.org/en/>

²⁹ См.: *Бурно М.Е. О характерах людей.* – С. 353 – 354 (также см.: Одна философия дополняет другую. Марк Бурно о дефензивных людях, характерологии и творческом самовыражении // Независимая газета. Приложение «НГ-Exlibris». Полная версия интервью: URL: http://exlibris.ng.ru/person/2010-07-08/2_bruno.html).

³⁰ Интересный вариант подобной адаптации теории справедливости Дж. Роулза предложила проф. В.Г. Федотова (см.: *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 171 – 176). Анализ концепции В.Г. Федотовой см.: *Канарии Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. – С. 137 – 139.

Аннотация

В статье представлен анализ теории двух известных западных ученых – нобелевского лауреата по экономике Амартии Сена и профессора этики и права Чикагского университета Марты Нассбаум. Данная теория, сложившаяся на стыке экономики и этики, представляет собой влиятельную альтернативу господствующим в современной науке либеральным подходам (Р. Нозик, Ф. Хайек, Дж. Роулз и др.). В то же время автор пытается показать, что теория Сена и Нассбаум, опирающаяся на эгалитаризм Маркса, исходит из собственных, по существу идеалистических, теоретических оснований, которые требуют известной осторожности при попытках внедрить положения данного подхода в незападную (в частности, российскую) практику.

Ключевые слова: экономика, справедливость, эгалитаризм, функциональные возможности, социал-демократия, марксизм.

Summary

In the article the analysis of the theory of two known western scientists – the Nobel winner in economy Amartya Sen and the professor of ethics and the right of the Chicago university Martha Nussbaum is presented. The given theory which has developed «on a joint» economy and ethics, represents influential alternative to liberal approaches dominating in a modern science (R. Nozik, F. Hayek, D. Rawls, etc.). At the same time, the author tries to show that Sen's and Nussbaum's theory leaning on egalitarianism of Marx, starts with own, in essence the idealistic, theoretical bases, which demand known care at attempts to introduce position of the given approach in not western (in particular, Russian) practice.

Keywords: economy, justice, egalitarianism, functional capabilities, social democracy, Marxism.